

Отзыв

официального оппонента доктора филологических наук профессора Иванова Владимира Борисовича на кандидатскую диссертацию Аламшоева Шерваншо Мукбилшоевича «Фразеология шугнанского языка (структурно-грамматический и семантический аспекты)», представленной к защите по специальности 10.02.19 «Теория языка», научный руководитель доктор филологических наук, профессор П. Джамshedов, научный консультант академик ИЛИ РАН И.М. Стеблин-Каменский

Диссертационное сочинение Ш.М. Аламшоева, посвящённое комплексу проблем, связанных с семантическим анализом лексики в шугнанском языке, представляет собой фундаментальное исследование, выполненное, с одной стороны, в лучших традициях как отечественного, так и зарубежного языкознания, а с другой – с учётом последних достижений науки о языке и обладающее актуальностью проблематики. Актуальность рецензируемой диссертации нам видится в следующем.

Многолетние попытки формально и в достаточно полном объёме описать семантику естественного языка до сих пор наталкивались на значительные трудности. Однако чрезвычайно плодотворным результатом прошлых семантических исследований было, во-первых, введение в научный оборот большого корпуса фактов, никогда раньше не рассматривавшихся; во-вторых, выдвижение новых теоретических принципов и новых идей относительно того, как устроен объект изу-

чения; в-третьих, осознание того факта, что формализация семантических описаний в настоящее время была бы преждевременной, потому что объем материалов, которые ещё только предстоит освоить, в десятки, а может быть, и в сотни раз превосходит все то, что уже было освоено. В диссертации наряду с грамматическим представлен один из новых аспектов семантического анализа фразеологии в шугнанском языке.

В начале Диссертации даётся подробная история разработки исследовательского аппарата, который приложим к анализу фразеологизмов в языках мира и фразеологии вообще. После обзора мировых достижений в области разработки фразеологии автор переходит к определению своей концепции: что можно считать фразеологической единицей вообще и в пределах исследований шугнанского языка, в особенности. На с. 27 читаем: «ФЕ – это устойчивое словосочетание с самостоятельным значением, которое в целом отличается от простой суммы значений его частей» (см. также с. 76). В принципе, такой подход к шугнанской фразеологии вполне возможен, автор имеет на него полное право, подобно тому, как другие авторы отграничивали предмет своего анализа в ряде других языков, в частности, в отношении персидского языка. Однако, в плане постановки проблемы необходимо отметить, что такой известный фразеолог, как Ю.А. Рубинчик можно сказать всю жизнь боролся за то, чтобы в состав ФЕ включать и те устойчивые обороты, общее значение которых равно сумме значений его частей. К примеру, Ю.А. Рубинчик включал во фразеологию сложный глагол *kār kardān* *делать дело, работать* = *дело, работа* + *делать*. Т.е., по его мнению, признака устойчивости вполне достаточно, чтобы мы включили подобное сочетание слов в сферу своего внимания. Можно прогнозировать, что и в шугнанском языке подобные образования составляют значительный пласт, который при

объявленном подходе окажется вне рамок исследования. Возникает вопрос: кто и когда мог бы заняться исследованием и этого пласта фразеологии в будущем?

С другой стороны, ссылаясь на определения Ш. Балли, автор приводит пример свободного сочетания в шугнанском языке *hez dust* букв. 'правая рука' в значении 'близкий человек, правая рука, помощник' (с. 27). Однако согласно определению, если хотя бы одно из слов не сохраняет своего значения (как в случае с *близким человеком, помощником*), то это уже не свободное сочетание. Очевидно, тут требуется дополнительный комментарий.

В Диссертации хорошо отражена дискуссия, которая ведётся десятилетиями по вопросу, какой аппарат стоит применять для классификации фразеологизмов. В этом плане мы поддерживаем подход автора, сформулированный в таком высказывании: «Разрабатывать единый для всех иранских языков принцип грамматической классификации фразеологизмов вряд ли правильно» (с. 51).

Текст Диссертации хорошо отработан, она читается с большим интересом. Весьма примечательны комментарии по истории происхождения некоторых фразеологизмов. Это уникальная информация, которой автор владеет так сказать изнутри общности носителей языка и которую вряд ли можно будет почерпнуть где-нибудь ещё.

Весьма полезной разработкой для иранистики представляется вторая глава Диссертации, где автору удалось структурировать и классифицировать большой объём собранного шугнанского фразеологического материала (7 300 идиоматических единиц). В основу этого скрупулёзного анализа был положен грамматический подход: частеречный состав и общее частеречное значение фразеологизмов. На множество категорий и подвидов разложены субстантивные, гла-

гольные фразеологические, адъективные, адвербиальные, междометные, предложно-послеложные и фразеологические единицы модального характера. Автором выявлены модели построения фразеологических единиц, а значит, заготовлены основы анализа и для будущей пока ещё не отмеченной фразеологии. Обнаруженные модели и найденные закономерности в шугнанском материале могут быть применены в разработках по фразеологии других иранских, а, возможно, и не только иранских языков.

Обращает на себя внимание хорошо разработанная шугнанская, персидская и таджикская транскрипции.

Для нас было интересным отметить аналогию в обращении к детям через слова, обозначающих родителя в персидском и шугнанском языках. В шугнанском при обращении к ребёнку упоминается отец: а *ri*, а *dod* ‘дитя (при обращении к детям)’, ‘эй человек’, букв. ‘эй отец’ (с. 114); а в персидском – мать: *guš kon, mādar* *послушай, сынок (или дочка) букв. послушай, мать.*

Примечательна также сама постановка проблемы о существовании фразеологизмов-омографов (с. 144) в бесписьменном языке (как квалифицирует автор шугнанский язык на с. 4.). Почему в качестве примера берётся противопоставление *tāk viḡxtow* *бить, сломать шею* ↔ *tāk viḡxtow* *сломать дядю*. Кто и где так пишет? Сюда же относится и вопрос об орфографическом строе фразеологизмов (см. следующий абзац). Кто и как занимался шугнанской орфографией? Это весьма важные для памирских языков моменты, и здесь были бы желательны более подробные комментарии.

Весьма удачной представляется 3-я Глава. Автору удалось структурировать такой сложный материал, каким является семантика фразеологизмов. Он смог найти убедительные доказательные средства для обоснования основных семантических особенностей шугнанской

фразеологии. Результатом его анализа является классификация материала по различным классам: синонимическому ряду, антонимические, омонимические, синонимическо-антонимические. В целом подготовленная Диссертация значительно обогащает наши знания о шугнанском языке и может быть использована для преподавания различных филологических курсов и спецкурсов.

Диссертация не лишена недостатков, в основном редакционного плана.

В Диссертации обнаруживается некоторое количество опечаток, которых, однако, немного. На с. 4 в сноске написано Синьцизян, правильно Синьцзян.

На 4–5 страницах со ссылкой на Мандельштама (1957) приводится высказывание, которое можно понять, как отождествление сакских племён со скифами. Желательно на будущее учесть более современную точку зрения, согласно которой это разные группы племён: скифов локализуют на территории северного Причерноморья, а саков – в восточном Туркестане (см., например, Расторгуева В.С. Иранские языки//Языки мира, М., 1997, т. 1, с. 11).

В тексте диссертации неоднократно употребляется термин иранский язык в значении персидский язык (напр., на с. 51 в иранском (таджикском) языке; на с. 52 примеры иранских фразеологизмов; На с. 70 употреблено понятие «иранский язык»; судя по контексту здесь должен быть указан «персидский язык»), в то время как под иранским языком обычно понимают общеиранский праязык, существовавший около четырёх тысячелетий тому назад.

Ударное таджикское [ī] в конце слов соответствует ударному персидскому [i] (можно написать и [ī]), а не [e], как это указывается на с. 66, например, *шугн. xusi-ēt (-yat) xursandi* соответствует *тадж.*

хушию хурсандӣ и соответствует персидскому хоši-vo xorsandi ‘радость и веселье’.

У нас есть несколько мелких замечаний относительно подраздела о фонетических изменениях в арабских заимствованиях (с. 68). Непонятен пункт второй: Переход лабиального звонкого [b] в смычный губно-губной [b]: *шугн. as be baloyindi balo* — ‘много проблем из-за ничего’, *букв.* «из-за нехватки беды, беда». Лабиальный значит губной, т.е. [b] перешёл в [b] (сам в себя). В чём тут переход? Или это разные [b]? Из описания неясно, чем они отличаются.

В пункте 5 как бы делается попытка двухфокусный глухой ط [t] в заимствованном из арабского слове طرف *taraf* *сторона* считать удвоенным. Отметим, что двухфокусный и удвоенный – разные вещи. По крайней мере в этом слове и в этой позиции он не удвоенный.

В пункте 6 есть нечёткость: звук ث [s̥] называется глухим дентальным фрикативным, а س [s] – «простым». Последний должен быть охарактеризован в тех же категориях по месту и способу образования, что и первый. Слово «простой» здесь не является термином. Оно должно где-то хотя бы один раз получить определение.

Аналогичное замечание можно отнести и к пунктам 7 и 8, где сопоставляются, соответственно, эмфатический звонкий смычный ض [z̤] с «простым» [z] и звонкий фрикативный ذ [ð] с «обычным» [z]. Последний, кстати, также является звонким фрикативным и по этим параметрам не отличается от «обычного» [z]. Ниже в 13-м пункте звук ذ [ð] уже называется постдентальным «простым». Из текста не ясно, чем «простые» звуки отличаются от «обычных».

То, что диссертант на сс. 85–86 называет редупликацией СФЕ (например, *zow-row* *все домашние животные*; *kog-rog* *много дел, всякая работа*; *yurš-mürš* *барахло* более точно называется эхо-конструкцией, а также гендиадисом или повтором-отзвучием. Редупликацией

подобное явление назвать можно, но надо добавить, что это неполная редупликация или эхо-редупликация, так как второй элемент дублируется не полностью, а частично.

Таблица 20 на сс. 148–149 приведена в качестве обоснования существования фразеологических омоформ. Однако в этом разделе нам не удалось найти ни одного примера на совпадения двух омоформ, т.е. образований с одинаковым звучанием в одной из форм, но с разными грамматическими (а, возможно, и лексическими) значениями (по определению). Приведённые в качестве примера образования *giḍa-bis* *маленький мальчик* ↔ *yaṣ-bis* *маленькая девочка*, или же *markab* *осёл* → *markab-bis* *маленький ослёнок* ни омоформами, ни омонимами не являются, так как имеют разный фонемный состав. То же касается примеров, приведённых в следующем абзаце в качестве омонимов.

В продолжение этой темы в Выводах по 3-ей главе на с. 150 автор совершенно справедливо говорит о том, что омонимы имеют тождественную фонетическую форму, но разные значения. Поэтому непонятно, почему он относит к омонимическим суффиксы мужского (-bis) и женского (-bis) рода. Ведь они имеют разный звуковой состав.

В тексте Диссертации есть повторы. В частности, сходные рассуждения о классификации фразеологизмов по их мотивированности встречаются не только в третьей главе, где этот вопрос является основным и рассматривается наиболее подробно, но и в первой и второй главах.

При транскрибировании персидских примеров изафетный показатель передаётся то через [e] (*gorge borondide* ‘стреляный воробей’), то через [i] (*tajdidi nāzar kārdān* ‘изменять точку зрения’) (сс. 45–46).

В Заключение на с. 154 число собранных автором ФЕ оценивается как «более 7 300 тысяч» (должно быть 7 300).

Несмотря на отмеченные недостатки редакционного характера, работа заслуживает высокой оценки. Публикации в основном отражают содержание диссертации, а автореферат соответствует предъявляемым требованиям и отражает все необходимые структурные элементы диссертации. Её автор заслуживает присвоения искомой учёной степени–кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 «Теория языка».

Доктор филологических наук, профессор
Кафедры иранской филологии Института
стран Азии и Африки Московского государ-
ственного университета имени М.В. Ломоно-
сова

Россия, Москва, 103911, Моховая 11,
тел.(495)-629-42-02, факс (495)-629-39-57;
электронная почта: iranorus@mail.ru

В.Б. Иванов

15 ноября 2018 г.

Подпись доктора филологических наук профессора В.Б. Иванова
заверяю

ПОДПИСЬ *Иванов В.Б.*

удостоверяю: *зав. кафедрой*

Олефиренко К.А.

